

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44
Я60

Damaris Young
THE SWITCHING HOUR

Copyright © 2019 by Damaris Young

This edition published by arrangement
with Madeleine Milburn Ltd and The Van Lear Agency LLC.

Illustration copyright © Kelsey Buzzell, 2019

Illustrations reproduced by permission of Scholastic Ltd

Янг, Дамарис.

Я60 **Оборотный Час / Дамарис Янг ; [перевод с английского А. Л. Сагаловой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.**

ISBN 978-5-04-104508-1

Каждый вечер, когда стущаются сумерки, Амайя крепко запирает дверь. Она хорошо усвоила от бабушки, как это важно. Иначе в дом придёт Бадoko – чудище, которое крадёт детей и пожирает их сны. Ребёнок пропадает, и родные забывают о нём. Их одолевает Хворь-Тоска, и, пленённые ею, они мало-помалу угасают. Но однажды случилось страшное: Амайя забыла закрыть дверь на засов, и чудище пробралось в дом. Бадoko похитил Калеба, младшего брата девочки. А значит, теперь у неё только один путь: пройти через зловещую чашу к гнезду Бадoko и спасти Калеба! Вот только с каждым днём она будет помнить о нём всё меньше. Успеет ли Амайя добраться до брата раньше, чем навсегда о нём забудет?

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

© Сагалова А.Л., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-104508-1

Пролог

Был самый тёмный час ночи. Из лесной чащи крадучись вышло многолапое чудище, всё заросшее лишайником. Чудище понюхало воздух и поморгало молочно-белыми глазами. Оно что-то учуяло, и лапы понесли его на аромат сновидцев и сновидений.

Дом стоял погружённый в тишину. Чудище склонилось к щели под дверь и стрельнуло ящериным языком. Старая спит где-то рядом. От неё веет путаными давними воспоминаниями, пахнет тыквой и шерстью. Чудище ещё раз принюхалось.

Горелое дерево, жжёная земля и зола. Девочка, что видит пламя во сне, тоже здесь.

В животе у чудища заурчало, и, глубоко вдохнув, оно снова выпустило язык. Теперь

кончик языка ощутил аромат свежей травки, тёплого молока и печенья из муки сорго. Значит, и малыш видит сны.

Чудище облизнулось и всосало сон через острые зубы. Но голодное урчание в животе не смолкло. Разве этим насытишься? Вовеки чудищу не насытить свою утробу, не утолить свою жажду. Всегда-то ему мало.

Глава I

Тучи сбились с пути

Я нырнула в тёмную гущу воды. Крутясь волчком, как я научилась у угрей, я ушла в сумрачные озёрные глубины. Туда, где гнулись и качались водоросли, обвиняя мою кожу, и где воздух рвался наружу из моей груди.

Нащупав ногой камень, я крепко ухватилась за него пальцами ног и отцепила сеть от пояса с грузилами. Двигалась я медленно, понемножку, стараясь не взбаламутить холодную воду.

Из темноты сверкнуло серебром — попала рыбка! Одна-единственная — озёрный лещ.

Тучи сбились с пути

Одним движением кисти я закрутила сеть и накрепко её замотала. Рыбка билась у меня в плену. Наконец-то.

Держа сеть обеими руками, я стрелой метнулась наверх и, выплюнув озёрную воду с привкусом песка и рыбы, жадно глотнула чистого воздуха.

Где у нас солнце? Я запрокинула голову. Солнце уже клонилось к закату, но вечернего тепла хватало, чтобы обсушить мне лицо. Подплывая к берегу, я нащупывала ногами дно. Наконец мои пальцы зарылись в ил. Я вышла из воды, и сеть сразу потяжелела.

Мой козлик при виде меня радостно замахал хвостом и боднул меня, да так, что я чуть не свалилась обратно в воду.

— Ну-ну, Тау! — прикрикнула я на него.

Пока я рыбачила, Тау тоже не бездельничал. Над бородой в уголке рта у него торчал пучок зелёного мха. Наверняка лазил по прибрежным валунам, искал траву в расщелинах: с той поры, как засуха поразила наш край, больше здесь есть нечего. Раньше было зелено, а теперь — голая потрескавшаяся земля.

Глава 1

Я глянула на небо: не видно ли туч? Хоть бы слабенький намёк на еле заметное облачко — уже одно это предвещало бы долгожданный дождь. Но небо было всё залито синевой — бескрайней и пустой.

— Тучи сбились с пути, — объяснила я Тау. — Значит, завтра. Завтра дождь найдёт к нам дорогу.

Где-то рядом квакнула из норки жаба-чесночница. Жабам по душе вечерняя прохлада; в жабьем кваканье отчётливо слышалось нетерпение.

Моя хлопковая туника висела на терновнике. Я торопливо натянула её, не дожидаясь, пока кожа обсохнет. С моих кудрей капало, и я хорошенько потрясла головой — она даже закружилась.

Жаба опять подала голос. В этот раз настойчивее. Её сородичи подхватили, и так рьяно, что от жабьей песни разве что земля не дрожала.

Скоро день обернётся ночью. Вот-вот наступит Обратный Час.

При мысли об этом у меня даже живот подвело.

Тучи сбились с пути

— Домой, Тау! — встревоженно крикнула я, и, похоже, он прекрасно понял мою тревогу. Ещё чуть-чуть — и будет поздно.

Я неслась среди высокой пожелтелой травы, и ведёрко с уловом колотило меня по ногам. Трава здесь мне по плечи. Я потопала ногами, распугивая оранжевобрюхих змей. Тут у них любимое убежище.

Я мчалась следом за Тау по тропинке, из-под ног у меня разлетались камешки. И вот мы добежали до выгона, где щипали траву козы постарше.

Золо — козёл цвета молока. Эла — козочка цвета мёда.

Я сунула в рот два пальца и свистнула — пронзительно, как кричат цапли.

Козы, вздымая клубы пыли, потрусили ко мне. Травы на пастбище уже почти и не осталось.

Тау скакал вокруг старших коз, но от огромных витых рогов Золо старался держаться подальше.

— Давайте скорее! — поторопила я и, продев верёвку под козы кожаные ошейники, вытянула Золо и Элу на тропинку.

Глава 1

— Домой, Золо, идём домой, — уговаривала я, ведя их за собой. И мысленно подгоняла их: «Скорее! Ну пожалуйста!»

Но козы есть козы. Они ведь упрямые: подгоняй, не подгоняй — они идут как им нравится. Я потянула за верёвку, заставляя их пуститься рысью.

Оборотный Час начался. Солнце садилось за лесом. Краем глаза я видела, как над зарослями терновника курится дымок — шипастые ветви чернели на фоне неба. Уже почти стемнело, и показались первые робкие звёздочки.

Ночь как растущий прилив вот-вот поглотит день.

Бабушка Ума ждала меня на пороге хижины.

— Что так поздно, Амайя? — укоризненно спросила она и, вырвав из моих рук верёвку, втащила меня в открытую дверь — туда, где мне ничего не грозит.

Глава 2

Радуйся, что успела домой!

Пока бабушка отводила Золо и Элу в хлев, я украдкой протащила Тау в хижину. После целого дня на улице запах керосина от ламп резко ударил в ноздри. Я поморщилась.

Тау прошагал прямёхонько к очагу и свернулся там на коврик. Он засопел и прикрыл глаза.

— Вот лежебока, — пробормотала я и легонько дёрнула его за хвост.

Ведёрко я со стуком поставила на стол.

Под столом кто-то зафыркал. Я глянула вниз. На кухонном полу сидел пухленький Кaleb и жевал корку от тыквы. Увидев меня, малыш выронил корку и, сжимая и разжи-

Глава 2

мая кулачки, потянулся ко мне. Я нагнулась и взяла его на руки, притворно застонав под его тяжестью.

— Разъелся ты на тыкве-то, братик! Скоро сам станешь как тыква! — Я крепко стиснула его в объятиях, и он рассмеялся.

Калёб смеётся заливисто, точно бубенчик звенит. А пахнет от него травяным соком и землёй. Я стёрла грязь с его ладошек.

— Надо бы тебя искупать, — заметила я, и малыш тут же, извиваясь, рванулся из моих объятий.

Дверь хижины хлопнула так, что с тростниковой крыши поднялась вся пыль.

У бабушки Умы седые волосы и усталые глаза. И она самая строгая на свете. И если она сердится — под руку ей лучше не попадаться.

Поэтому я занялась окнами — их полагалось запирать на щеколду: чтобы внешнее оставалось вовне.

Окна — это недолго. У нас всего четыре комнаты, и в каждой по окну. Окна сидят глубоко в толстых каменных стенах.

Радуйся, что уснула долгой!

Покончив с окнами, я подошла к бабушке — сейчас будет наш с ней обряд запираения дверей.

Бабушка Ума до щелчка повернула в замке тяжёлый ключ, и он так и остался торчать в дверях как серебряная стрела.

— Теперь проверь, заперта ли дверь на засов, — забормотала бабушка себе под нос, будто произнося заклинание. С этими словами она заложила дверь засовом. Засов скрипнул, и от этого звука у меня заныли зубы. Бабушка Ума обернулась ко мне. — Проверь засов, Амайя, — приказала она. — Всегда проверяй, заперта ли дверь.

«Зачем проверять, если всё и так видно?» — подумала я, но сделала как было велено: подёргала дверную ручку, повертела её туда-сюда.

— Дверь заперта.

— Тебе воистину ничего не грозит? — Бабушка сверлила меня взглядом, я это прямо-таки чувствовала. Я уставилась на дверь:

— Да. Воистину-превоистину.

Мы проделываем всё это по настоянию бабушки каждый вечер — с тех пор, как на-

Глава 2

чали иссякать колодцы и засуха завладела нашей землёй. Мне всегда казалось, что мы ведём себя ужасно глупо. Ну зачем я как дурочка дёргаю дверь — видно же, что она заперта крепко-накрепко!

Когда мы с Калобом стали жить у бабушки, нам пришлось привыкать к некоторым странностям. И к этому ритуалу тоже.

Я сдержала зевок. Бабушка Ума метнула на меня острый, как кинжал, взгляд. Её волосы выбились из косы и растрепались.

— Радуйся, что успела домой, Амайя. Ты очень поздно вышла.

— Прости, пожалуйста.

— Не в прощении дело. В чём опасность, тебе известно, ты ведь не маленькая. Тебе минуло двенадцать зим. — Бабушка говорила, чуть не всхлипывая. И это было ещё хуже самих слов. — Что случилось бы, не поспей ты вовремя?

Я стояла потупившись, не отрывая глаз от пола.

— Это тебе не игрушки! Думаешь, можно так запросто болтаться сколько вздумается? — продолжала бабушка. — Вот утащит